

НАКЛАДНАЯ НА СПАСЕНИЕ МИРА

Юмористическое фэнтези
про попаданку

Дарья Берд

Накладная на спасение мира

<https://litres.ru/74627113>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вера Соколова, логист транспортной компании, попала в мир меча и магии не как Избранная Героиня, а по бюрократической ошибке — архимаг пролил кофе на ритуальный свиток. Теперь по местному закону она обязана спасти королевство от надвигающейся Тьмы. А королевство обязано её обеспечивать всем необходимым. Официально.

Вера готова обсуждать спасение мира. Но только после того, как увидит письменный договор с чётким техзаданием: от чего именно спасать, в какие сроки и за чей счёт. Потому что «надвигающаяся Тьма» — это не техзадание, это маркетинг.

Выясняется, что конец света здесь не нашествие, а утечка. Из деревень исчезает вода, волшебство и тепло — понемногу, равномерно, будто кто-то откачивает мир по трубе. И где-то на другом конце этой трубы стоит печать государственной структуры. Значит, кто-то оформляет апокалипсис по накладной. А с теми, кто ведёт учёт, Вера умеет разговаривать, и подойдет к спасению мира как к сорванной поставке: с реестром задач, инвентаризацией и жёсткими сроками.

Содержание

Глава 1 Пролёт по накладной	4
Глава 2 Инвентаризация апокалипсиса	17
Глава 3 Команда по остаточному принципу	34
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Дарья Берд

Накладная на спасение мира

Глава 1 Пролёт по накладной

Вера Соколова не верила в чудеса. Она верила в сроки поставки, акты сверки и в то, что любой хаос — это просто процесс, которому пока не назначили ответственного.

За двадцать минут до того, как её жизнь свернула не туда, Вера сидела в стеклянной коробке опенспейса на четырнадцатом этаже и держала телефон у уха с терпением человека, который держит его так уже сорок минут.

— Нет, — говорила она в трубку ровным голосом. — Я вижу вашу накладную. Я смотрю на неё прямо сейчас. В ней написано, что груз уехал в семнадцать ноль-ноль. А вот фура, Виктор Петрович, стоит у меня под окном. Я её вижу. Она здесь. Как по-вашему, может груз уехать без фуры? Это такая магия?

В трубке что-то забубнили. Вера закрыла глаза и помассировала переносицу.

На столе перед ней стоял идеальный порядок, выстроенный против вселенского хаоса: монитор с тремя открытыми

таблицами, стопка документов, выровненная по краю, термокружка с остывшим кофе и рабочая сумка, в которой всегда лежали блокнот, две ручки, зарядка, пластырь, печать «ОПЛАЧЕНО» и мятный леденец на крайний случай. Вера верила в заготовки на крайний случай. Крайний случай, по её опыту, наступал в среднем дважды в неделю.

— Отправьте подтверждение на рейс семнадцать ноль-ноль до конца дня, — закончила она. — Письменно. Устное «я помню» я к исполнению не принимаю. До свидания, Виктор Петрович.

Она положила трубку, пододвинула термокружку, сделала глоток холодного кофе и поморщилась — не от кофе, а от самой идеи, что день только начинается, а крайний случай уже наступил.

Вот именно в этот момент, когда она потянулась отправить то самое подтверждение, которое весь день требовала от других, — мир вокруг неё схлопнулся.

Поэтому, когда мир вокруг неё схлопнулся в оранжевую вспышку, а потом развернулся обратно — но уже другой, с низким каменным потолком, запахом гари и свечного воска, — первой её мыслью было не «где я» и не «что это». Первой мыслью было:

«Я не отправила подтверждение на рейс в семнадцать ноль-ноль».

Вторая мысль пришла, когда она опустила взгляд и увидела под ногами начерченный мелом круг, исписанный знач-

ками, половина которых была смазана чем-то бурым. В круге, кроме неё, стоял высокий старик в мантии до пола. Мантия была цвета грозовой тучи и выглядела так, будто в ней жили. Старик смотрел на Веру с выражением, которое она за годы работы научилась читать мгновенно: так смотрит человек, который что-то сломал и очень надеется, что никто не заметит.

— Ты... — произнёс старик торжественно и запнулся. — Ты не очень похожа на воина.

— А вы не очень похожи на человека, у которого всё под контролем, — ответила Вера. Она поставила рабочую сумку на пол, аккуратно, чтобы не задеть меловые линии. Термокружка внутри глухо звякнула. — Но давайте по порядку. Где я, кто вы, и почему пахнет как после короткого замыкания.

Старик приосанился. Это, видимо, была его любимая часть.

— Я Фелиндор, архимаг седьмого круга, хранитель Свитков Истока и... — он сделал паузу, явно рассчитанную на благоговейное молчание. Молчания не последовало. — Словом, я призвал тебя. Из твоего мира. В наш. Ты — Герой, явившийся по древнему пророчеству, чтобы спасти королевство Таланд от надвигающейся тьмы.

Вера медленно оглядела круг, смазанную руны, бурое пятно, тянущееся от края свитка к чашке с чем-то, от чего ещё поднимался пар.

— Вы пролили на свиток кофе, — сказала она.

Фелиндор дёрнулся.

— Это травяной отвар бодрости.

— Вы пролили на свиток отвар бодрости, смазали вот этот значок, — она ткнула носком туфли, не переступая линию, — и вместо воина вытащили меня. Логиста. Я правильно восстанавливаю хронологию событий?

Повисла тишина. Где-то наверху капал воск.

— В общих чертах, — признал архимаг с достоинством человека, которого приперли к стене, — ход событий был... близок к описанному.

— Прекрасно. — Вера достала телефон. Четырнадцать процентов заряда, ни одной палочки сети, время застыло на 16:51. Она убрала его обратно. — Тогда отправляйте меня назад. У меня рейс, акт сверки и начальник, который уже пишет мне капслоком.

Фелиндор посмотрел в пол. Потом на смазанную руну. Потом снова в пол.

— Это, — сказал он, — несколько сложнее.

Именно в этот момент Вера поняла, что влипла. Не по вспышке, не по мантии, не по каменному потолку. А по интонации. Так говорит подрядчик, когда «несколько сложнее» означает «ваш груз уехал в другую страну и, возможно, горит».

— Обратный ритуал возможен, — быстро добавил Фелиндор, уловив смену её лица. — Теоретически. Он требует

редких компонентов, точного расчёта и целой руны, которую я... которая пострадала. На восстановление уйдёт время.

— Сколько.

— Трудно сказать.

— Фелиндор. — Она произнесла его имя так, как произносила номер накладной, по которой уже начислили штраф.
— В неделях.

— В месяцах. Возможно. — Он поёжился. — Но есть и хорошая новость.

— Сгораю от нетерпения.

— По закону королевства Таланд призванный Герой надеется статусом, правами и полным содержанием за счёт короны. Жильё, питание, подъёмные, сопровождение. — Архимаг заметно оживился, перейдя к той части, где он не виноват. — Тебе положено. Всё официально.

Вера замолчала. И это молчание было другим — не возмущённым, а рабочим. Так она молчала, глядя на сорванную поставку и прикидывая, из какого хаоса можно собрать рабочую схему.

Статус. Права. Содержание за счёт короны. Официально.

Если переводить с языка пророчеств на человеческий, ей только что сказали: есть заказчик с бюджетом, есть обязательства сторон, и есть она — единственный человек в этом помещении, который понимает, что обязательства надо фиксировать на бумаге.

— Хорошо, — сказала Вера. — Я согласна обсуждать спа-

сение вашего королевства.

Фелиндор просиял.

— При одном условии.

Он просиять не перестал, но стал просиять осторожнее.

— Мне нужен договор. В письменном виде. С перечнем того, от чего именно я должна спасать мир, в какие сроки, какими силами, за чьи ресурсы и что я получаю на выходе — включая гарантированный обратный ритуал по завершении работ. — Она подняла сумку с пола и перекинула ремень через плечо. — Устное «ты Герой по пророчеству» я к исполнению не принимаю. Пророчество — это не техзадание. Это маркетинг.

Архимаг открыл рот. Закрыл. В недрах его мантии, где карманов было явно больше, чем позволяли законы физики, что-то звякнуло, и оттуда выкатился маленький светящийся шарик, несколько раз подпрыгнул и укатился в темноту. Фелиндор проводил его рассеянным взглядом, как провожают знакомого, которого не хочется окликать.

— Это был важный артефакт? — уточнила Вера.

— Возможно, — сказал Фелиндор. — Я уточню.

— Запишите, чтоб не забыть.

— У меня нет при себе...

— У меня есть. — Вера достала из сумки блокнот и ручку, открыла на чистой странице и щёлкнула колпачком. Звук получился деловой и окончательный — звук человека, который только что назначил себя ответственным за весь этот ха-

ос. — Диктую пункт первый. «Стороны договорились о нижеследующем».

— Погоди-погоди. — Фелиндор замахал руками, и в руках мантии снова что-то звякнуло. — Так дела не делаются. Призвание Героя — это священный акт. Он скреплён кровью древних, волей звёзд и...

— ...и смазан отваром бодрости, — закончила Вера, не поднимая глаз от блокнота. — Пункт первый, продолжаю. «Исполнитель, именуемый в дальнейшем Герой, обязуется оказать услугу по спасению королевства Таланд». Как официально называется то, от чего я вас спасаю? Только без поэзии. Мне нужен предмет договора, а не название баллады.

Архимаг надулся, как человек, у которого отобрали любимую реплику.

— Надвигающаяся Тьма, — произнёс он с нажимом. — Безымянный Пожиратель. Конец Времён.

— Три разных названия одного и того же или три разные проблемы? — Вера занесла ручку. — Потому что это, Фелиндор, принципиально разный объём работ.

Повисла пауза. По лицу архимага было видно, что за тысячу лет пророчеств этот вопрос ему не задавал никто.

— Я... — он осёкся. — Полагаю, одного и того же.

— Полагаете или знаете?

— Это нуждается в уточнении, — признал он с достоинством человека, который только что понял, что не читал собственный свиток до конца.

— Записываю: «предмет договора подлежит уточнению сторонами в срок до трёх дней». — Ручка быстро бежала по бумаге. — Пункт второй. Сроки. Пункт третий. Ресурсы — за чей счёт банкет, кто оплачивает компоненты, снаряжение, людей. Пункт четвёртый. Результат и приёмка — по каким признакам мы вообще поймём, что мир спасён, а не просто ненадолго притих. И пункт пятый, он же для меня первый. — Она подняла взгляд, и в нём не было ни капли сарказма, только холодная ясность. — Обратный ритуал. По завершении работ. Гарантированный. С этого и начнём обсуждение, потому что без него всё остальное — благотворительность, а я ею не занимаюсь.

Фелиндор смотрел на неё долго. В полумраке подземелья его лицо из торжественного стало просто усталым — лицо старика, который привык, что Герои приходят с мечами и вопросами «куда идти», а не с блокнотами и вопросами «за чей счёт».

— Знаешь, — сказал он наконец, — за восемьсот лет я призвал одиннадцать Героев.

— И где они?

— В балладах. — Он помолчал. — В основном.

— «В основном» — это сколько из одиннадцати?

— Трое. — Архимаг вздохнул. — Остальные — в земле. Они бросались на Тьму с открытым забралом и чистым сердцем. Это было очень красиво и совершенно бесполезно.

Вера закрыла блокнот, заложив страницу ручкой.

— Вот поэтому вам и выпала я, Фелиндор. Не по пророчеству. По отвару бодрости. — Она усмехнулась, впервые за весь разговор без яда. — Открытым забралом я бросаться не умею. Зато умею читать то, что написано мелким шрифтом. А конец света, судя по вашему виду, составлен сплошь из мелкого шрифта.

Где-то наверху снова капнул воск. Светящийся шарик, укатившийся в темноту, тихо пискнул из-под стеллажа — но этого ни архимаг, ни Вера пока не заметили.

— Так с чего начнём? — спросил Фелиндор, и в его голосе впервые прозвучало что-то похожее на надежду.

— С бумаги и чернил, — сказала Вера, вставая. — И с нормального освещения. При свечах договоры не составляют. При свечах их только подписывают, не глядя, а потом удивляются.

И где-то очень высоко, над смазанной руной, над свечами и каменным потолком, над целым королевством, которое ещё не знало, что к нему прибыл не Герой, а внеплановая проверка, — надвигающаяся тьма впервые за тысячу лет почувствовала смутное беспокойство.

Будто кто-то только что внёс её в реестр.

Светящийся шарик, который давеча укатился из мантии Фелиндора в темноту, пискнул ещё раз — уже увереннее, с обидой существа, которое долго терпело и больше не намерено.

Вера опустила взгляд. Из-под нижней полки стеллажа, за-

валенного свитками и чем-то, что когда-то было чучелом совы, на неё смотрели два круглых глаза. Потом из-под полки выбралось и всё остальное: маленькое, полупрозрачное, формой напоминающее недовольного хорька, с которого забили смуть сияние.

— Так, — сказала существо. — Во-первых, здравствуйте. Во-вторых, у вас в сумке еда. Я чувствую. Не спорьте, я по этой части специалист.

Вера медленно повернулась к Фелиндору.

— Это и есть ваш утерянный важный артефакт?

— Это Пискля, — сказал архимаг с интонацией человека, признающего родственника, которого не звали. — Дух-фамильяр. Он... прилагается.

— К чему прилагается?

— Раньше — ко мне. — Фелиндор пожевал губами. — Но ритуал, кажется, его... переподчинил.

— Переподчинил, — радостно подтвердил Пискля, вспорхнул на край стола и уселся напротив Веры, как кандидат на собеседовании, уверенный, что должность уже его. — Ты меня вытянула вместе с собой. Теперь ты мой человек. Это, если что, большая честь. Для тебя.

— У меня нет вакансии фамильяра, — сказала Вера.

— А у меня нет выбора, так что мы квиты. — Пискля заглянул ей за спину, туда, где стояла сумка. — Слушай, мой человек, пока мы знакомимся. Там у тебя что-то мятное. Маленькое. Круглое. Оно тебе точно нужно целиком?

— Это леденец. На крайний случай.

— Так крайний случай же! — Пискля развёл полупрозрачными лапками, обводя подземелье, смазанную руну и Фелиндора разом. — Ты посмотри вокруг. Куда уж крайнее.

Вера посмотрела вокруг. С этим, в общем, было трудно спорить.

— Допустим, — сказала она. — Но просто так я ничего не выдаю. Если ты теперь при мне, у тебя есть функция. Что ты умеешь?

Пискля приосанился — ровно настолько, насколько может приосаниться полупрозрачный хорёк.

— Я чувствую магию. — Он подумал. — И еду. И когда рядом что-то опасное — у меня вот тут, под рёбрами, холодеет. Правда, обычно я к этому моменту уже бегу.

— То есть ты детектор угрозы, который срабатывает одновременно с бегством.

— Я предпочитаю формулировку «система раннего оповещения с немедленной эвакуацией», — с достоинством сказал Пискля.

Вера впервые за это утро почти улыбнулась. Она достала блокнот, щёлкнула ручкой и открыла чистую страницу.

— Хорошо. Записываю. — Ручка побежала по бумаге. — «Пискля. Фамильяр. Функции: обнаружение магии, обнаружение еды, раннее предупреждение об опасности. Особые условия: при опасности убегает первым».

— Это не особое условие, — обиделся Пискля. — Это ин-

стинкт самосохранения. Он у меня очень развит. Доживёшь до моих лет — спасибо скажешь.

— А сколько тебе лет?

— Не помню. Много. Я с тех пор несколько раз пугался до потери памяти. — Он снова покосился на сумку. — Так что с леденцом?

Вера достала леденец, подержала его на ладони — Пискля проводил движение взглядом, каким смотрят на восход солнца, — и убрала обратно.

— Леденец выдаётся по факту выполненной работы, — сказала она. — Первое задание: пока мы здесь, слушай это помещение. Если почувствуешь хоть что-то — магию, движение, чужой холодок под рёбрами, — сообщаем мне, а не бежишь. Сообщил, потом беги. Понял порядок действий?

Пискля задумался так напряжённо, что по его полупрозрачному лбу прошла рябь.

— Сначала сказать, потом бежать, — повторил он. — Это против моей природы, но за леденец я готов попробовать.

— Вот и договорились. — Вера закрыла блокнот. — Добро пожаловать в команду. Условия пересмотрим, когда я пойму, что ты не врёшь про магию.

— Я вру только про слухи, — честно сказал Пискля. — Про еду и опасность — никогда. Это святое.

Он пристроился на краю сумки, свесив полупрозрачный хвост, и с видом существа, нашедшего наконец постоянного кормильца, добавил вполголоса:

— Знаешь, мой человек, с предыдущими Героями было скучно. Они всё время молчали и геройски хмурились. А ты хотя бы кормишь и ведёшь списки. Я уже чувствую, что с тобой у нас всё будет... — он искал слово, — ...по-деловому.

— Это, — сказала Вера, закидывая сумку на плечо вместе с притихшим Писклей, — лучший комплимент, который я слышала в этом мире. Правда, пока единственный.

Глава 2 Инвентаризация апокалипсиса

Утро в королевстве Таланд началось с того, что Вера проснулась и первые три секунды была счастлива.

Потом она открыла глаза и увидела над собой балдахин — тяжёлый, пыльный, расшитый золотыми звёздами, половина которых отвисла и болталась на нитках. Счастье кончилось. Она была не дома. Она была в гостевых покоех для Героя, в замке, в мире, куда её затащил пролитый отвар бодрости.

Вера села. Поморщилась — перина оказалась мягкой до состояния болота, и спина, привыкшая к ортопедическому матрасу, высказала всё, что думает. Рядом на прикроватном столике аккуратной стопкой лежали её вещи: блокнот, две ручки, разряженный намертво телефон, печать «ОПЛАЧЕНО» и один мятный леденец. Крайний случай, судя по всему, затягивался.

— Доброе утро, — сказала она пустой комнате. — Инвентаризация.

Вера верила в инвентаризацию так, как другие верят в молитву. Когда не понимаешь, что происходит, пересчитай то, что есть. Остальное приложится.

К моменту, когда в дверь поскреблись, у неё в блокноте уже был список. Короткий, но честный: «Актив — один

блокнот, один статус Героя, один должник в мантии. Пассив — конец света, срок неизвестен, предмет не согласован».

В дверь поскреблись ещё раз, деликатно и настойчиво, как скребётся человек, который очень не хочет входить, но ещё больше не хочет уходить без результата.

— Открыто, — сказала Вера.

Это был Фелиндор. Он протиснулся в щель, прижимая к груди охапку свитков, которые тут же начали разъезжаться в разные стороны, как кошки, которых несут к ветеринару.

— Я подготовил материалы, — объявил он торжественно, уронил три свитка, нагнулся за ними, уронил ещё два. — К нашему... как ты это назвала... предмету договора.

— Кладите на стол. — Вера освободила место, сдвинув балдахинную звезду, которая к тому моменту окончательно отвисла и спланировала ей на колени. — И давайте по порядку. Вчера вы мне назвали три имени одной беды. Надвигающаяся Тьма, Безымянный Пожиратель, Конец Времени. Я хочу понять, что из этого — факт, а что — название баллады.

Фелиндор разложил свитки с видом человека, предъявляющего неопровержимые доказательства. Вера склонилась над ними.

Это были пророчества. Красивые. Все до единого написаны стихами, с виньетками, с подтёками золотой краски, с иллюстрациями, на которых героические силуэты протыкали копьями что-то чёрное и клубящееся. Чёрное и клубящееся на каждой иллюстрации выглядело по-разному.

— «И придёт Тьма с севера, пожирая свет», — прочитала Вера вслух с первого свитка. Перешла ко второму. — «И восстанет Пожиратель с глубин, и падёт свет во тьму». Третий. «Угаснет свет, и воцарится тьма вечная». — Она выпрямилась. — Фелиндор, у меня вопрос. С севера, из глубин или вечная — это три разных источника угрозы. Север — это география. Глубины — это, видимо, под землёй. Вечная — это вообще не про место. Кто из трёх авторов был на объекте лично?

Архимаг открыл рот.

— Пророки, — сказал он, — не выезжают на объект. Им является видение.

— То есть ни один из них угрозу своими глазами не видел.

— Это... — Фелиндор пожевал губами. — Это не принято. Видение является, пророк записывает. Выезд на объект обесценил бы сакральность.

— Понятно. — Вера сделала пометку в блокноте: «Источники — три, очевидцев — ноль. Все данные — с чужих слов, зарифмованы для красоты». — Знаете, у меня был поставщик, который так же работал. Накладные присылал в стихах. Красиво. Груз не доезжал ни разу.

Пискля материализовался в комнате ровно в тот момент, когда Фелиндор начал оскорблённо раздуваться. Дух-фамильяр протиснулся сквозь щель под дверью — маленький, полупрозрачный, формой напоминающий недовольного хоряка, — вспорхнул на стол и первым делом сунул нос в остав-

ленный на тарелке со вчера кусок хлеба.

— О, завтрак, — обрадовался он. — Доброе утро всем, кто меня кормит. Это, кстати, только я, или остальные тоже слышали, что в деревне под замком опять паникуют?

Вера подняла голову.

— Кто паникует и почему.

— Все и из-за Тьмы, — Пискаля говорил с набитым ртом. — Коровы не доятся, молоко скисает за ночь, у кузнеца погас горн, который не гас сорок лет, и колодец на площади за неделю ушёл на три локтя вниз. Говорят — предвестники. Говорят — Тьма близко. Очень вкусный, кстати, хлеб. Чёрствый, но с характером.

Фелиндор всплеснул рукавами, и из них посыпались мелкие светящиеся искры и один сушёный жук.

— Вот! — провозгласил он. — Предвестники! Всё как в пророчестве! Знамена множатся, час близок, свет меркнет...

— Стоп. — Вера подняла ладонь, и, что интересно, архимаг остановился. — Молоко, горн, колодец. Давайте не будем звать это знаменами, пока не исключим обычные причины. Скисшее молоко — это температура или грязная тара. Погасший горн — тяга или уголь. Ушедший колодец — это грунтовые воды. Всё по отдельности — бытовуха. Вопрос в другом.

Она встала, подошла к узкому окну и посмотрела вниз, на деревню, прилепившуюся к подножию замка. Отсюда она

казалась игрушечной: кривые крыши, дым из труб, крошечные фигурки, сбившиеся кучками на площади.

— Вопрос в том, — закончила Вера, не оборачиваясь, — почему всё это началось одновременно. Три разных поломки в трёх разных местах за одну неделю — это не три совпадения. Это один общий сбой, который вылезает в разных точках. Как когда на складе падает напряжение, и разом глючат холодильники, весы и ворота. Проблема не в воротах. Проблема в сети.

В комнате стало тихо. Пискля перестал жевать. Фелиндор смотрел на Веру с выражением, которого она у него ещё не видала, — без снисходительной торжественности, с чем-то вроде опасливого интереса.

— Ты говоришь, — медленно произнёс он, — что Тьма — это... неисправность?

— Я говорю, что пока не знаю, что такое Тьма. — Вера вернулась к столу и перевернула блокнот на чистую страницу. — И что все ваши красивые свитки знают это не лучше меня. Поэтому мы сделаем то, чего, судя по вашим лицам, тут не делал никто за восемьсот лет. Мы поедем на объект.

— На... объект? — переспросил Фелиндор так, будто она предложила ему съесть собственную мантию.

— В деревню. — Вера защёлкнула ручку. — Смотреть на скисшее молоко и погасший горн своими глазами. Потому что видение, может, и обесценивать нельзя, а вот скисшее молоко я нюхать умею. И если оно скисло не само по себе —

я это пойму быстрее, чем ваш пророк срифмует следующую строчку.

Пискля проглотил остаток хлеба и бодро заявил:

— Я за. В деревне кормят. — Потом подумал и добавил чуть менее бодро: — Правда, если там правда Тьма, нас могут там же и съесть. Но сначала покормят. Я считаю, это справедливый обмен.

Фелиндор ещё с минуту смотрел на разложенные свитки — на золотые виньетки, на зарифмованные ужасы, на силуэты, героически протыкающие копьями неизвестно что. Потом вздохнул, и это был вздох человека, который прожил восемьсот лет, уверенный, что знает, как устроен конец света, и вдруг засомневался.

— За восемьсот лет, — сказал он тихо, — никто ни разу не предложил поехать и посмотреть.

— За восемьсот лет, — отозвалась Вера, закидывая сумку на плечо, — вы одиннадцать раз призывали людей, которые умели красиво умирать. Один раз вы призывали человека, который умеет вести учёт. Давайте проверим, что из этого полезнее для вашего молока.

Она первой шагнула к двери. На пороге обернулась.

— И захватите пустую склянку. Будем брать пробу.

— Пробу... чего?

— Тьмы, Фелиндор. — Вера улыбнулась почти по-доброму. — Начнём с того её образца, который умещается в кувшине с прокисшим молоком.

Внизу, в деревне, у погасшего горна кузнец в сотый раз чиркал кресалом над мёртвым углём. Он не знал, что к нему уже идёт не Герой с мечом, а женщина с блокнотом, которая впервые за тысячу лет собиралась задать его беде один простой вопрос, которого беда очень не любила:

«А теперь по порядку. С чего всё началось?»

Дорога от замка до деревни заняла меньше часа, и за этот час Вера узнала о своём отряде больше, чем за всё предыдущее утро.

Гарт появился у ворот без предупреждения — так, будто стоял там всегда, а они просто раньше не замечали. Широкий, обветренный, с мечом, который висел на спине с небрежностью рабочего инструмента, а не героического атрибута. Фелиндор представил его длинно и с эпитетами. Гарт выслушал, сплюнул и сказал Вере:

— Платят вперёд или по факту?

— По этапам, — ответила Вера. — С актом выполненных работ на каждом.

Гарт посмотрел на неё внимательнее, чем на всех «избранных» за последние десять лет, и коротко кивнул. Это, как она потом поняла, было высшей формой его одобрения.

Деревня встретила их тишиной того особого сорта, какая бывает там, где люди напуганы и ждут беды, но не знают, с какой стороны. На площади у колодца сбились в кучку человек десять. Увидев мантию Фелиндора, они оживились — не с радостью, а с той жадной надеждой, с какой смотрят на

любого, кто пришёл сверху и, может быть, заберёт проблему с собой.

— Архимаг! — к ним кинулся грузный мужчина в прожжённом фартуке, тот самый кузнец. — Знамения! Всё как в сказаниях! Горн умер, вода уходит, скотина не...

— По порядку, — сказала Вера.

Два слова. Негромко. Но кузнец осёкся, как будто налетел на стену, — потому что в этих двух словах не было ни страха, ни благоговения, которых он нахватался за неделю паники. В них была только работа.

— Вы — кузнец. Горн у вас. — Вера открыла блокнот. — Ведите к горну. Фелиндор, вы со мной. Гарт, осмотрите площадь и колодец, скажете, что видите. Пискля — слушай, что говорят в толпе, но на веру не бери ничего, просто неси мне.

— А можно я сначала у них спрошу про пирожки, — начал Пискля.

— Можно совмещать.

У горна Вера провела двадцать минут. Она не произносила заклинаний и не искала знамений. Она задавала вопросы, от которых кузнец сначала терялся, а потом начинал вспоминать. Когда именно погас? В ночь на какой день? А накануне что-то было? Уголь откуда брали — тот же, что всегда, или новый завезли? А тяга? Трубу давно чистили?

— Да при чём тут труба! — не выдержал кузнец. — Это ж Тьма!

— Возможно, — согласилась Вера, не отрываясь от блокнота. — Но Тьма, которая выбирает из всего горна именно дымоход, — это очень аккуратная Тьма. Я бы такую сначала проверила на тягу.

Фелиндор, стоявший рядом, вдруг нахмурился и поднёс ладонь к мёртвому горну. Поводил ею в воздухе, прислушался к чему-то, недоступному остальным.

— Странно, — пробормотал он. — Фоновая волшба тут... просела. Как будто кто-то вычерпал её ковшом. По всей деревне ровно столько, сколько осталось в этом горне. То есть почти нисколько.

Вера медленно подняла голову.

— Повторите. Не «просела», а конкретно. Волшбы стало меньше во всей деревне. Везде одинаково.

— Да.

— А колодец ушёл вниз. А молоко скисает за ночь. А горн, которому нужна волшба, чтоб держать жар сорок лет, — встал. — Она записывала быстро, уже не глядя в блокнот, глядя на Фелиндора. — Это не три беды, Фелиндор. Это одна. Из деревни что-то выкачивает ровно то, на чём тут всё держится. Воду. Тепло. Волшбу. Понемногу, отовсюду, равномерно. Как утечка.

Со стороны колодца подошёл Гарт. Остановился. Послушал. И сказал ровно то, что от него требовалось, — одну фразу, которая всё поставила на места:

— Колодец не пересох. Его откачали. Стенки сухие свер-

ху, мокрые по кромке. Вода не ушла в землю. Её вытянули.

На площади стало очень тихо. Даже Пискля перестал жевать выменянный у какой-то бабки пирожок.

— Так, — сказала Вера, и в этом «так» было больше спокойствия, чем имел право испытывать человек, только что заподозривший, что конец света — это утечка в инженерной сети мироздания. — У нас не нашествие. У нас недостача. А недостача, в отличие от Тьмы, всегда куда-то утекает по вполне конкретной трубе.

Она защёлкнула ручку.

— Осталось найти трубу.

Фелиндор смотрел на неё с выражением человека, у которого на глазах восемьсот лет страха аккуратно переписывают в одну строчку акта инвентаризации.

— А потом? — спросил он тихо.

— А потом, — сказала Вера, закидывая сумку на плечо и оглядывая деревню уже не как жертву пророчества, а как склад, на котором кто-то химичит с остатками, — потом мы выясним, кто на другом её конце подписывает приёмку. Потому что если что-то отсюда уходит — значит, где-то оно приходит. И этот кто-то очень не захочет показывать нам свои накладные.

Инвентаризация деревни заняла остаток дня, и Вера вела её так, как вела бы приёмку товара на незнакомом складе: двор за двором, вопрос за вопросом, без пропусков.

Доярку звали Марта, и первые пять минут она отвечала

не Вере, а Фелиндору — всё норовила заглянуть архимагу в лицо, будто надеялась прочесть там приговор. Вера терпеливо развернула разговор на себя.

— Марта. Молоко. Когда вы заметили, что оно скисает за ночь?

— Да с седмицы, госпожа. Как есть за ночь. Вечером надоишь — утром хоть выливай.

— Все коровы разом или сначала одна?

Марта запнулась. Этого вопроса ей никто не задавал — все сразу говорили «Тьма», и она привыкла, что думать дальше не нужно.

— Сперва... сперва Пеструха, у плетня которая. Потом остальные, одна за одной. От плетня вглубь двора.

Вера записала и подчеркнула дважды. «От плетня вглубь». Направление. У беды, которую все называли Тьмой, обнаружилось направление — а у знамений направления не бывает. Знамения приходят отовсюду сразу. Направление бывает только у утечки.

— А плетень, — сказала она негромко, больше себе, чем Марте, — выходит куда?

— К старому руслу, госпожа. Ручей там был, высох ещё при деде.

Гарт, стоявший в воротах, перехватил её взгляд и коротко кивнул — он уже понял, куда она клонит, и пошёл смотреть русло, не дожидаясь просьбы.

К вечеру картина сложилась. Вера обошла девять дворов

и на чистой странице блокнота начертила то, чего в этой деревне не рисовал никто за восемьсот лет, — простую схему. Крестики — где сильнее всего «просело»: молоко, горн, колодец, мёртвый ручей. И все крестики, если провести по ним линию, выстраивались в одну дугу, уходящую за околицу, в сторону холмов.

— Не по всей деревне равномерно, — сказала она Фелиндору, разворачивая блокнот. — Это я вчера ошиблась, пока не было данных. Равномерно казалось сверху. А на объекте видно: сильнее всего тянет вот здесь, по краю, и слабеет к центру. Как воронка. Как сток.

Фелиндор смотрел на схему так, будто она была написана на незнакомом языке, который он вдруг начал понимать.

— Я чувствую фон восемьсот лет, — проговорил он. — И ни разу не догадался его... нарисовать.

— Потому что вы его чувствовали, — сказала Вера. — А чувства не складываются в стрелку. Цифры складываются.

Именно в этот момент на деревенскую площадь въехала неприятность — верхом, в начищенных доспехах и с лицом человека, который приехал наводить порядок и очень недоволен, что кто-то навёл его раньше.

— Кто здесь выдаёт себя за призванного Героя?

Голос был молодой, звонкий и твёрдый, как устав, зачитанный вслух. Всадница спешила, не дожидаясь ответа, и пошла к ним, держа руку на эфесе — не угрожающе, а по привычке, как держат папку с документами.

— Леди Асвейг, капитан стражи, — представилась она, останавливаясь напротив Веры и меряя её взглядом с головы до рабочей сумки. Взгляд был не впечатлён. — Мне донесли, что архимаг призвал Героя. Я прибыла засвидетельствовать подлинность статуса. — Пауза. — Покажите знак призвания.

— У меня его нет, — спокойно сказала Вера.

— Тогда у меня нет оснований признавать за вами статус.

— А у меня нет оснований его доказывать, пока я не вижу, по какому регламенту вы его оспариваете. — Вера закрыла блокнот. — Вы приехали засвидетельствовать подлинность. Хорошо. На каком основании, в какой форме и кому вы подаёте заключение? Потому что если вы составляете официальный акт, я хочу знать, что в нём будет написано про меня, прежде чем вы это подпишете.

Асвейг моргнула. Эфес под её ладонью остался на месте, но пальцы чуть разжались. Она явно готовилась к одному из двух сценариев: самозванец начнёт юлить или начнёт угрожать. Третьего — встречная ссылка на регламент — устав не предусматривал.

— Статус Героя, — произнесла она чуть менее уверенно, — подтверждается знаком призвания или свидетельством призвавшего мага.

— Фелиндор, — не оборачиваясь, сказала Вера. — Вы меня призвали?

— Призвал, — скорбно подтвердил архимаг. — Хотя целился, строго говоря, в несколько иной...

— Этого достаточно. — Вера снова повернулась к Асвейг.
— Свидетельство призавшего мага у вас есть. Устно. Письменно оформим, когда у вас будет бланк. У вас же есть бланк?

— Бланк свидетельства о призвании не выдавался уже...
— Асвейг осеклась, и на её лице впервые проступило что-то человеческое — растерянность профессионала, у которого спросили документ, которого не существует. — С последнего призвания. Сорок лет.

— Значит, составим прецедент. — Вера достала чистый лист из блокнота и протянула ей ручку. — Вы же любите, когда всё по форме. Я тоже. Думаю, мы сработаемся.

Асвейг взяла ручку с таким лицом, будто ей вручили не ручку, а приговор здравому смыслу. Но взяла.

— Вы странный Герой, — сказала она наконец.

— Мне это уже говорили сегодня. — Вера кивнула на схему в блокноте. — А пока вы здесь, капитан, — у меня для вас настоящая работа, а не бумажная. Видите эту дугу? Что находится за околицей, в той стороне, куда она показывает?

Асвейг посмотрела — профессионально, не на самозванку больше, а на карту.

— Холмы. Старые шахты. — Она нахмурилась. — Заброшенные. Корона закрыла их век назад, когда порода иссякла.

— Иссякла, — повторила Вера. И почувствовала то знакомое, холодное и ясное, что приходило к ней всякий раз, когда концы наконец сходились с концами. — Или кто-то

очень хотел, чтобы все думали, будто иссякла, и перестали туда ходить.

Над деревней садилось солнце, подсвечивая холмы ровно в той стороне, куда указывала нарисованная в блокноте дуга. Пискаля, пристроившийся на плече у Гарта, перестал жевать и тихо сказал то, что все уже думали:

— Так. У меня две новости. Кажется, мы нашли, куда утекает конец света. И кажется, нам теперь туда идти.

Назад к замку возвращались в темноте, и всю дорогу Вера думала не о Тьме, а о сборах.

— Выходим завтра на рассвете, — сказала она, когда огни замка показались впереди. — К заброшенным шахтам. Сегодня — подготовка. Я не выхожу на объект без снаряжения и без списка.

— Я не могу просто так покинуть пост, — отозвалась Асвейг, ехавшая рядом, прямая, как всегда. — Устав требует предписания на выезд за пределы деревни.

— А устав предусматривает графу «сопровождение призыванного Героя на запретный объект при угрозе короне»?

Асвейг помолчала. Было слышно, как она листает в голове свод, который знала наизусть.

— Предусматривает, — призналась она наконец. — Капитан стражи вправе сопровождать и обязан засвидетельствовать. — Пауза. — Строго говоря, я даже обязана. Я нашла угрозу. Бросить её незасвидетельствованной — нарушение.

— Вот и славно, — сказала Вера. — Значит, едешь не по-

тому, что я прошу, а потому, что тебе так велит устав. Все довольны.

— Я бы не сказала «довольна», — проворчала Асвейг, но повод остаться у неё теперь был, и это, кажется, успокаивало её больше, чем сам отъезд тревожил.

Вечер в замке прошёл не героически, а хозяйственно. Вера села в гостевых покоях и расписала сборы по пунктам, как расписывала бы погрузку: что берём, кто за что отвечает, в каком порядке выходим. Гарт без лишних слов перебрал оружие и притащил ей моток верёвки, флягу и два факела — молча положил на стол, будто отчитался. Асвейг раздобыла в арсенале фонарь и подробную, пусть и вековой давности, карту шахт, которую развернула перед Верой с видом человека, предъявляющего козырь. Фелиндор собрал полный короб артефактов «на все случаи», из которого к утру половина необъяснимо исчезла в недрах его же мантии. Пискля всю подготовку посвятил одному вопросу — хватит ли в дорогу еды, — и, выяснив, что хватит, впервые за день успокоился.

Перед сном Вера собрала всех в покоях и провела то, что про себя назвала инструктажем, а вслух — «коротким разговором по делу». Говорила недолго, по пунктам, с занесением в блокнот: порядок движения, сигналы, кто кого слушает в темноте. Никто не возражал — отчасти потому, что возражать было нечему, отчасти потому, что все слишком устали.

А на рассвете у ворот стоял отряд. Не блестящий, не героический — заспанный, навьюченный, собранный на живую

нитку из пяти чужих друг другу существ. Но стоял. И это, по меркам Веры, уже было половиной успеха.

Глава 3 Команда по остаточному принципу

Отряд выступил к шахтам на рассвете, и Вера впервые в жизни поняла, что значит выражение «собрать команду по остаточному принципу».

Никто из них друг друга не выбирал. Её саму выбрал пролитый отвар бодрости. Фелиндор прилагался как виновник. Пискля — как недоразумение, которое чувствует еду. Гарт пришёл за деньгами. Асвейг — за актом о подлинности, да так и осталась, потому что устав не предусматривал графу «уехать, когда запахло настоящей работой». Пять человек, которых не связывало ничего, кроме дуги, нарисованной в блокноте, и общего направления — на холмы.

— Для протокола, — сказала Асвейг, когда деревня скрылась за спиной. Она ехала впереди, прямая, как древко знамени. — Я сопровождаю экспедицию в заброшенные шахты короны. Это объект под запретом. Вход разрешён только при наличии предписания.

— У нас есть предписание? — уточнил Пискля с плеча Гарта.

— Нет.

— А что у нас есть?

— Я, — сказала Асвейг. — Я и есть предписание. Капи-

тан стражи вправе входить на запретный объект при угрозе короне. Я только что постановила, что угроза есть. — Она чуть помолчала и добавила, будто ставя печать: — Запишите, что я это постановила. Для порядка.

Вера, не глядя, достала блокнот и записала. Она начинала понимать Асвейг так же, как понимала Гарта: одна говорит уставом, другой — молчанием, но обе работают честно, а это в её системе ценилось выше, чем манеры.

Шахты открылись к полудню — чёрные дыры в боку холма, заложенные когда-то балками, которые давно просели. Над входами ещё держались выцветшие королевские знаки: «Закрыто. Порода иссякла».

— Иссякла, — повторил Гарт, глядя на знак. Это было самое длинное, что он сказал за всё утро. В его устах одно слово весило как чужая обвинительная речь.

Вера подошла ближе. Воздух у входа был не такой, как положено заброшенному руднику. Из тёмного зева тянуло не затхлостью и сыростью, а чем-то сухим и неправильным — так тянет от прибора, который работает, когда давно должен был умереть.

— Пискаля, — сказала она. — Что чувствуешь?

Дух-фамильяр сполз с плеча Гарта, подобрался к краю темноты и замер. По его полупрозрачному тельцу прошла рябь.

— Холодно, — сказал он тихо, без обычной болтовни. — Вот тут, под рёбрами. Очень. Я такого давно не чувствовал.

— Он сглотнул. — Мой человек, по инструкции мне сейчас полагается бежать. Но я, как ты просила, сначала говорю: отсюда что-то тянет. Много. И оно живое ровно настолько, чтоб быть голодным.

— Молодец, — сказала Вера, и это было не поощрение, а благодарность. — Сказал первым, побежишь вторым. Прогресс.

Фелиндор тем временем поднёс ладони к входу и побледнел.

— Вся пропавшая волшба, — выдохнул он. — Она здесь. Деревенская, из колодца, из горна — всё здесь, внизу. Я чувствую её, как чувствуют запах из кладовой. Её сюда стянули. Всю. По нитке.

— Вот и труба, — тихо сказала Вера. — Нашлась. Осталось пройти по ней до того, кто подписывает приёмку.

И вот тут команда, которая до сих пор двигалась слаженно, впервые встала поперёк самой себя.

— Я иду первым, — сказал Гарт, скидывая меч со спины в руку.

— Вы пойдёте по моему порядку следования, — отрезала Асвейг. — Устав сопровождения: впереди — лицо при исполнении. Это я.

— В дыру, из которой тянет голодным, по уставу не ходят, — буркнул Гарт. — По уму ходят. Впереди — тот, кто умеет не умереть в темноте.

— Я предлагаю не ходить туда вообще, — вставил Писк-

ля. — Как промежуточный вариант.

— Стойте. — Фелиндор замахал рукавами, из которых немедленно посыпались искры и выпал тот самый сушёный жук. — Там внизу концентрация волшбы такая, что любое заклинание может сработать втрое сильнее или наоборот погаснуть. Нельзя идти, не рассчитав...

— Да некогда рассчитывать! — рывкнул Гарт.

— Именно поэтому и надо! — вспыхнула Асвейг.

И они заговорили все разом. Гарт — про темноту и опыт. Асвейг — про регламент и ответственность. Фелиндор — про концентрацию волшбы и три поправочных коэффициента. Пискля — про то, что голодным он не нравится и, кстати, не пора ли пообедать перед смертью. Пять человек, пять языков, и ни один не слышал остальных — потому что каждый был по-своему прав, а быть правым вместе они ещё не умели.

Вера дала им ровно десять секунд. Потом закрыла блокнот — громко, одним хлопком. Звук в тишине холма получился как выстрел.

— Так, — сказала она. — Все замолчали. По очереди.

И, что удивительно, они замолчали. Не потому что она была Героем. А потому что это был единственный голос, который не доказывал свою правоту, а наводил порядок.

— Проблема не в том, кто прав, — сказала Вера. — Вы все правы. Проблема в том, что вы правы каждый про своё и пытаетесь делать это одновременно. Так поставки и сры-

вают — не потому что люди плохие, а потому что никто не свёл их в один маршрут. — Она открыла чистую страницу. — Поэтому сводить буду я. По порядку.

Она ткнула ручкой в каждого — не как командир, а как диспетчер, расписывающий смену.

— Гарт идёт первым, потому что он прав: в темноте выживает тот, кто умеет. Но идёт не вслепую, а по разметке. Асвейг идёт второй и ведёт счёт: шаги, повороты, развилки — чтобы мы знали обратную дорогу и чтобы всё было, как ты любишь, запротоколировано. Фелиндор идёт третьим и на каждой развилке говорит мне одно: больше здесь волшбы или меньше. Не лекцию. Одно слово: «больше» или «меньше». Мы идём туда, где больше, — к стоку. Пискля идёт при мне и делает то, что уже умеет: чувствует холод и говорит раньше, чем бежит. Я иду последней и свожу всё в схему. Вопросы?

Повисла пауза. Гарт первым кивнул — коротко, одобрительно, как кивал ей на площади.

— Разумно, — проворчал он. — Платят по этапам — и идём по этапам.

Асвейг посмотрела на расписанный порядок следования с выражением человека, который всю жизнь искал устав, который не стыдно исполнять, и вдруг нашёл.

— Это... — она подобрала слово, — ...хороший регламент. Я его запротоколирую.

— Я по-прежнему против того, чтобы туда идти, — сказал

Пискаля. — Но раз уж идём, мне нравится, что я иду при той, у кого еда. Это стратегически грамотно.

Фелиндор ничего не сказал. Он смотрел на Веру с тем же опасливым интересом, что и в деревне, — на человека, который берёт пятерых чужих друг другу людей и за десять секунд превращает их свару в маршрут.

— Знаешь, — произнёс он тихо, пока остальные готовились, — за восемьсот лет Герои водили за собой армии. Но я ни разу не видел, чтобы кто-то вот так... построил из людей механизм. Это ведь тоже волшба. Только без заклинаний.

— Это не волшба, Фелиндор, — сказала Вера, пропуская Гарта вперёд, к чёрному зеву шахты. — Это логистика. Просто она так похожа на чудо, что вы тут за восемьсот лет её не заметили.

Они вошли в темноту — не толпой, не отрядом героев, а колонной по разметке: впереди меч, за ним счёт, за счётом слово «больше», при Вере — холод под рёбрами, и замыкающей — женщина с блокнотом, сводящая пять языков в одну схему.

Чем глубже они спускались, тем чаще Фелиндор говорил «больше». Волшба сгущалась, воздух тяжелел, и сухое неправильное тепло становилось сильнее. Асвейг считала вслух, ровно: сорок два шага, развилка, правый ход, восемнадцать шагов, развилка. Гарт вёл по той, где темнота дышала голоднее.

А потом ход вывел их в пещеру, и все остановились разом

— без команды.

Посреди пещеры стояло сооружение. Не древний алтарь, не логово чудовища. Что-то вроде огромной воронки из тёмного металла и камня, оплетённой трубами, по которым еле видно текло бледное сияние — та самая деревенская волшебба, вода, тепло, стянутые сюда по нитке. Воронка уходила вниз, в темноту, и там, в глубине, что-то мерно гудело, принимая всё это в себя.

Это не было похоже на конец света. Это было похоже на насос.

— Я же говорила, — тихо сказала Вера, глядя на трубы, сходящиеся в одну точку. — Не нашествие. Недостача. Кто-то выкачивает мир по трубе — аккуратно, равномерно, чтоб не заметили сразу.

— Но насос, — медленно проговорил Гарт, не опуская меча, — кто-то должен был построить. И кто-то должен его обслуживать.

— И кто-то, — добавила Вера, подходя ближе к воронке, где на боку металла она разглядела то, от чего у неё внутри знакомо похолодело — не по-пискляному, а по-рабочему, — ставит вот это.

На тёмном металле, аккуратно, явно не древней рукой, был оттиснут знак. Печать. Ровная, официальная, с бортиком по краю — такая, какую ставят не колдуны, а канцелярии.

— На другом конце трубы, — сказала Вера, и голос её был

очень спокоен, — кто-то подписывает приёмку. Регулярно. Этот конец света, друзья мои, кем-то оформлен.

Пискля на её плече тихо сглотнул и озвучил то, что все уже поняли:

— Так. Две новости. Мы нашли, куда утекает мир. И у него, кажется, есть бухгалтерия.

Вера подошла ближе к печати, присела на корточки и достала блокнот. Остальные остались позади — каждый держал дистанцию по-своему: Гарт с мечом наготове, Асвейг с рукой на эфесе, Фелиндор с поднятыми ладонями, из которых сочилось бледное свечение, Пискля — вжавшись в плечо Веры так, будто собирался в неё врасти.

— Под рёбрами холодно? — негромко спросила Вера, не отрывая взгляда от печати.

— Леденеет, — прошептал Пискля. — Но ещё не бегу. Это, кстати, героизм. Запиши.

— Записала. — Она зарисовывала печать — три круга, вписанных друг в друга, центральный символ вроде стилизованной чаши. — Фелиндор, что это за знак?

Архимаг медленно, будто во сне, подошёл ближе. Склонился над печатью. Побледнел ещё сильнее, чем у входа.

— Это знак Палаты мер, — выдохнул он. — Одна из старейших структур короны. Они отвечают за стандартизацию — веса, объёмы, эталоны. Всё, что можно измерить, проходит через них.

— Значит, конец света курирует государственная струк-

тура? — уточнила Асвейг с тем интонационным разломом, который бывает, когда устав только что столкнулся с предательством.

— Или кто-то в ней, — сказал Гарт. — Печать можно украсть. Но украдут — заметят. Значит, либо не заметили, либо не хотят замечать.

Вера поднялась, отряхнула колени и обошла воронку по кругу. Трубы, сходящиеся к ней, были разного калибра — одни толстые, оплетённые рунами, другие тоньше, почти нитевидные. Но все они пульсировали в одном ритме, равномерно, как работающий механизм.

— Это не разовая акция, — сказала она, больше себе, но все слушали. — Это процесс. Долгий. Отлаженный. Кто-то построил это давно, кто-то чистит и обслуживает. И раз стоит печать Палаты мер — значит, кто-то считает всё это законным. Или хочет, чтобы так казалось.

— А куда оно уходит? — Пискля ткнул полупрозрачной лапкой вниз, туда, где воронка сужалась в темноту. — Потому что если там внизу кто-то сидит с кружкой и прихлёбывает краденую волшбу — я предлагаю уйти, пока он не заметил.

— Слишком поздно, — сказал Гарт.

Он не повысил голоса. Даже меч не поднял выше. Просто развернулся лицом ко входу, которым они пришли, и все остальные услышали то, что услышал он на три секунды раньше: шаги. Много. Быстрые. И — лязг металла.

— Кто-то знал, что мы сюда придём, — сказала Асвейг, выхватывая меч. — Или кто-то следил.

— Или у насоса есть сигнализация, — добавил Фелиндор, и руки его вспыхнули ярче. — Я чувствую — по ним идёт волшба. Свежая. Кто-то только что её пустил.

— Сколько? — коротко бросила Вера Гарту.

Он прислушался. Две секунды.

— Шестеро. Может, семь. Идут строем. Латы. Оружие тяжёлое — я слышу, как волочат.

Вера оглядела пещеру. Один вход, по которому они пришли — и он уже отрезан. Воронка по центру. Три узких хода в стенах, явно служебные — но куда ведут, неизвестно.

— Асвейг, — сказала она, не повышая голоса, но так, что капитан развернулась мгновенно. — Какой из трёх ходов ближе всего ведёт к выходу, если судить по карте?

— Левый, — ответила та без колебаний. — Если карта верна, он идёт параллельно основному, но выше.

— Гарт, можешь задержать шестерых?

— Могу. Но недолго.

— Сколько?

— Две минуты. Может, три.

— Хорошо. — Вера уже писала в блокноте — не план, а порядок движения, как расписывала бы экстренную эвакуацию склада. — Гарт держит вход. Асвейг — проводник, ведёт всех через левый ход к выходу. Фелиндор — прикрываешь арьергард, если кто-то прорвётся мимо Гарта. Пискля —

ты со мной, слушаешь воздух и кричишь, если почувствуешь засаду впереди.

— А ты? — спросил Гарт, и это был не вопрос, а проверка: понимает ли она, что сама себя поставила в самое опасное место — между арьергардом и авангардом, там, где ничего не прикроет.

— Я веду учёт, — сказала Вера. — И вытаскиваю Гарта через три минуты. Асвейг, как только выйдете в основной ход, свистни. Это сигнал Гарту — отступать. Вопросы?

Никто не ответил. Потому что вопросов не было. Был чёткий план, в котором каждый знал свою роль и точку отступления.

— Тогда пошли. — Вера кивнула в сторону левого хода, и Асвейг первой метнулась туда, уже вытащив факел. Фелиндор — за ней, спотыкаясь, из мантии вывалился какой-то свиток и покатился обратно. Пискля сполз на плечо Веры и вжался так, будто собирался там окупиться.

Гарт остался у входа. Вера — за его спиной, на полпути между ним и левым ходом.

Шаги стали громче. И вот уже в основной ход вывалились первые трое — в серых латах, с копьями, без геральдики. Лица закрыты забралами. Молчат. Это было хуже боевого клича — молчание профессионалов, которым не надо себя подбадривать.

Гарт не сказал ни слова. Просто шагнул вперёд, перехватил меч двумя руками и встал поперёк прохода — и стало

видно, что проход внезапно стал узким, а фигура наёмника — очень широкой.

Первый латник ткнул копьём. Гарт отбил его вниз, так, что остриё вгрызлось в камень, шагнул внутрь удара и ударил наверху в шлем. Лязг. Латник осел.

— Три минуты, — напомнила Вера.

Гарт не ответил. Он уже дрался со вторым, третьим напирал сбоку. Узкий проход работал на него — троих не развернуть, а один против одного наёмник был сильнее.

Вера развернулась и кинулась к левому ходу. Пискля на плече заскулил.

— Ты сказала, вытащим Гарта! Ты уходишь! Это непоследовательно!

— Я вытащу, но сначала проверю, что остальные вышли, — бросила Вера, пригибаясь под низким сводом. — Если там засада — Гарту отступать некуда.

Ход был узкий, неровный, явно служебный. Асвейг впереди, Фелиндор за ней. Вера догнала их у развилки.

— Прямо, — сказала Асвейг. — Ещё сорок шагов до основного хода.

— Идите. Я жду здесь. Как только выйдете — свистишь, я зову Гарта.

Асвейг посмотрела на неё долгим взглядом — не спорящим, а оценивающим. Потом кивнула и двинулась вперёд. Фелиндор поплёлся за ней, бормоча что-то про концентрацию волшбы в узких пространствах.

Вера осталась у развилки, считая про себя. Минута. Полторы. За спиной, из большой пещеры, доносился лязг — глухой, методичный, без криков. Где-то далеко впереди — шаги, эхо.

И вот — тонкий, резкий свист.

Вера развернулась и кинулась обратно. Пискля на плече трясся, но не сбежал.

— Гарт! — крикнула она в широкий ход, не останавливаясь. — Отбой! За мной!

Наёмник услышал. Она не видела, как именно он вышел из схватки, — видела только, как он вынырнул из темноты за секунду до того, как она добежала, с окровавленным навершием меча и рассечённой бровью.

— Сколько я продержался? — спросил он, не сбавляя шаг.

— Две двадцать. Ты должен мне сорок секунд.

Гарт фыркнул — и это был смех, хоть и короткий, как всё, что он говорил.

Они нагнали остальных у выхода в основной ход. Асвейг уже стояла там с мечом наготове, прикрывая Фелиндора, который пытался оторвать от мантии кусок свитка, прилипший к подолу.

— Все на месте? — коротко спросила Вера.

Кивки. Даже Пискля кивнул, хоть его никто не спрашивал.

— Тогда выходим. Быстро, но строем. Если кто отстанет

— я останавливаюсь, и мы отстаём все. Понятно?

Они вышли из шахты на холодный вечерний воздух через двадцать минут — грязные, запыхавшиеся, но целые. За ними никто не погнался. Либо латники остались охранять насос, либо их задачей было отпугнуть, а не убить.

Вера остановилась в паре сотен шагов от входа, оглянулась — вход зиял чёрной дырой, но пустой — и выдохнула. Только сейчас она почувствовала, как колотится сердце.

— Команда работает, — сказал Гарт, вытирая кровь с брови. — Неплохо для первого раза.

Асвейг кивнула, тяжело дыша.

— Я запротоколирую это как... слаженное отступление. — Она помолчала. — Хороший регламент, Вера. Ты... ты командуешь хорошо.

— Я не командую, — устало сказала Вера, опускаясь на камень. — Я просто свожу вас в одну схему. Это вы работаете хорошо.

Пискля сполз с её плеча, плюхнулся рядом и выдохнул так, будто пробежал всё сам.

— Мой человек, — сказал он, — теперь ты мне должна не леденец. Ты мне должна целый мешок. Я там внутри чуть не умер от ужаса минимум восемь раз. Я считал.

Вера, не глядя, достала из сумки леденец и протянула ему.

— Ты предупредил вовремя, не сбежал первым и досчитал до восьми. Заслужил.

Пискля схватил леденец и засиял — в прямом смысле, по-

лупрозрачное тельце вспыхнуло мягким светом.

Фелиндор сидел чуть поодаль, глядя на холмы, за которыми садилось солнце. Он был необычно молчалив.

— Восемьсот лет, — сказал он наконец, — я наблюдал Героев. Они врывались в логово, рубили всё подряд, кричали о справедливости. Половина гибла. Остальные побеждали, но никогда не понимали, с чем сражались. — Он повернулся к Вере. — Ты не вырубил ни одного. Ты отступила. Но ты — единственная, кто вышел оттуда со схемой и с печатью в блокноте.

Вера перелистнула страницу, на которой была зарисована печать Палаты мер.

— Они искали, с чем сражаться, — сказала она. — А я ищу, с кем разговаривать. Потому что насос с печатью — это не тёмный властелин. Это чья-то работа. Официально оформленная. И тот, кто её оформил, сидит не в подземелье. Он сидит в кабинете. Вот туда мне и надо.

Асвейг медленно выпрямилась.

— Ты хочешь сказать, что мы пойдём в Палату мер. В столицу. К людям, которые, возможно, воруют мир по накладной.

— Не к людям, — поправила Вера, поднимаясь. — К документам. Если кто-то ставит печать — значит, где-то есть реестр. Акт приёмки. Смета. И я хочу знать, на чьё имя они оформлены.

Она посмотрела на отряд — заляпанного грязью Фелин-

дора, Гарта с разбитой бровью, Асвейг с мечом ещё в руке, Писклю со светящейся от счастья мордой.

— Сегодня мы работали хорошо, — сказала она. — В первый раз. Завтра будем работать лучше. Потому что теперь я знаю, что вам можно доверять. И вы знаете, что мне.

Обратно к замку шли в темноте, но это была другая темнота — не та, что встречала их в шахте. В этой было пятеро усталых, но целых людей, которые впервые за всё время двигались не рядом, а вместе.

— Кстати, — сказал Пискля на полпути, уже сонно, с набитым леденцом ртом. — Я вспомнил. В Палате мер работает мой бывший знакомый. Дух-архивариус. Очень вредный. Но если принести ему чернильницу из сандалового дерева, он пустит в любой реестр.

Вера достала блокнот, даже не сбавляя шаг.

— Записала. Завтра выясним, где берут сандаловые чернильницы. Это уже логистика. А логистику, — она усмехнулась, — я знаю.

Над холмами взошла луна, и впереди показались огни замка — маленькие, тёплые, похожие на обещание, что хотя бы сегодня можно выдохнуть.

А в заброшенной шахте, в темноте, у подножия насоса с печатью Палаты мер, латники в серых доспехах молча отступили в служебный ход. Один из них поднял руку — в ней тускло вспыхнул кристалл, — и произнёс в пустоту два слова:

— Они знают.

Где-то далеко, в столице, в высокой башне Палаты мер, кто-то слышал эти слова и посмотрел в окно, на огни внизу, на королевство, из которого восемьсот лет утекало ровно столько, сколько никто не замечал.

И впервые за восемьсот лет — заметили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.